

Ван Чжэнь давным-давно знал о подозрениях и недоверии Тан Шэня. И все же, даже когда он напрямую задал эти вопросы, Тан Шэнь вопреки всему решил, будто Ван Чжэнь приказал следить за ним.

— Я намеренно слежу за тобой?

Ван Чжэнь слегка улыбнулся. Он тихо хмыкнул, а затем произнес целую вереницу давящих вопросов:

— Цюй Сяо, фэйцивэй из управы Цзиньлин? Как ты с ним познакомился? В каком году, какого месяца, где и по какой причине? Он чиновник из управы Цзиньлин, а ты с детства рос в Гусу и бывал в Цзиньлине от силы пару раз. Даже если бы тот человек знал меня, он никак не должен был знать тебя, Тан Шэня, Тан Цзинцзэ. И все же он проделал путь в тысячи ли до Шэнцзина, чтобы просить тебя о помощи. Откуда в нем такая уверенность, будто ты обязательно согласишься ему помочь?..

— Старший брат!

Глаза Тан Шэня дрогнули. Крепко сжав зубы, он широко раскрыл глаза и поднял взгляд на Ван Чжэня.

Ван Чжэнь умолк.

В трепещущих зрачках Тан Шэня читалась лишь отчаянная мольба. Вся его фигура словно кричала: «Старший брат, не принуждай меня больше...»

«Ван Цзыфэн, не дави на меня больше!»

Вся давность и упреки разлетелись в прах под этим единственным взглядом.

Ван Чжэнь молча созерцал стоящего перед ним юношу. Прошло немало времени, прежде чем он тихо, с мягкой интонацией произнес:

— Почему ты не хочешь рассказать мне?

Услышав это, Тан Шэнь неожиданно перевел дух.

Насколько он знал Ван Цзыфэна, тот определенно сдался и больше не станет пытаться правду.

Ван Чжэнь был подобен ясной луне или свежему лесному ветру — истинный благородный муж, какого Тан Шэню еще не доводилось встречать. Тан Шэнь всегда знал: этот старший брат никогда ни с кем не ссорится до конца и ни за что не обнажит перед другими свои сокровенные чувства. Однако сегодня ночью Ван Цзыфэн разительно отличался от обычного себя. Он открыл слишком многое; бушующие, будто пламя, эмоции едва сдерживались под холодной и равнодушной личиной. Тан Шэнь был до смерти напуган: он боялся, что Ван Чжэнь и впрямь загонит его в угол.

Но Ван Чжэнь не сделает этого.

Быть может, это было лишь излишнее упование на чужую благосклонность или чувство безнаказанности, однако Тан Шэнь твердо верил: Ван Чжэнь не станет так поступать.

Но в следующее мгновение рука Ван Чжэня, сжимавшая его запястье, резко напряглась.

Длинные изящные пальцы мертвой хваткой впились в руку Тан Шэня, причиняя боль. Тан Шэнь инстинктивно поднял голову и увидел, как на утонченном, благородном лице Ван Чжэня расцветает мягкая, исполненная нежности улыбка. Ван Чжэнь произнес неторопливо и вкрадчиво:

— Что бы ни происходило в управе Цзиньлин, как бы глубоко это ни прятали, Клан Ван из Ланъя все равно узнает правду.

Глаза Тан Шэня округлились.

— Будь это любое другое место, может, и обошлось бы, — продолжил Ван Чжэнь. — Но в управе Цзиньлин Клану Ван из Ланъя под силу узнать абсолютно все, от мала до велика, стоит лишь приложить немного усилий. Младший брат, не задумывался ли ты, чьей именно помощи искал Лян Бовэнь, когда пять лет назад раз за разом отправлялся в Цзиньлин? Почему какой-то мелкий фэйцивэй шестого ранга сумел прийти к тебе со своими заслугами и потребовать, чтобы ты исполнял его поручения?

— Я не...

Ван Чжэнь оборвал его на полуслове:

— Если бы Лян Бовэню действительно требовалась помощь, людей, к которым он мог обратиться, было пруд пруди! Не ходя далеко за примером, правитель управы Цзиньлин в те времена являлся его давним другом. К тому же, если хочешь разгадать волю государя, какой толк расспрашивать провинциальных чиновников? Спрашивать надо столичных чинов, притом высокого ранга. Фу Вэй, Фу Сижу, вместе с Лян Бовэнем входит в число Четырех великих ученых Поднебесной, они были близко знакомы и дружны долгие годы. Почему же он не пошел к Фу Сижу? А если бы Фу Сижу не знал, его ученик Ван Чжэнь, Ван Цзыфэн, родом из Клана Ван из Ланъя, занимавший тогда пост Министра финансов, пользовался особым расположением Императора. Если бы кто-то в этом мире и мог знать правду, Ван Цзыфэн точно был бы среди них. И если бы Лян Бовэнь действительно обратился к моему учителю, разве Ван Цзыфэн мог отказать? Разве мог я не помочь ему? Однако он этого не сделал.

Голос прервался. Спустя мгновение Ван Чжэнь тяжело и бесконечно долго вздохнул:

— Потому что он не хотел втягивать никого, кого только мог втянуть!

— Хочешь знать, почему Чжун Тайшэн столько лет жил спокойно, а потом государь вдруг пожелал его смерти?

Сердце Тан Шэня вздрогнуло. Эта загадка мучила его много лет!

Ван Чжэнь с первого взгляда прочел его мысли и с легким смешком произнес:

— Из-за упавшей звезды.

Тан Шэнь опешил:

— Упавшей звезды?

— Четвертого дня восьмого месяца двадцать четвертого года правления Кайпин упала звезда размером с персик. Выйдя из созвездия Цигун и войдя в Тайвэй, она прошла над Звездой Императора, нависла над юго-востоком и пересекла двадцать две звезды созвездия Тяньши, —

произнес Ван Чжэнь. — В тот час Его Величество находился на Террасе Восхождения к Бессмертным, предаваясь дыхательным упражнениям и совершенствованию. Несколько неугасимых лампы вдруг погасли, и он тут же призвал Главу Астрономического приказа во дворец для аудиенции.

Тан Шэнь затаил дыхание. В его памяти мгновенно всплыли строки, которые он видел четыре года назад в императорских «Записях о жизни и деяниях»:

«Четвертого дня восьмого месяца двадцать четвертого года правления Кайпин упала звезда размером с персик и опустилась на юго-востоке. Глава Астрономического приказа Ли Сяорэнь ночью прибыл во дворец на аудиенцию к Императору».

А то, что произошло следом...

— Три дня спустя заместитель главы Судебного приказа Су Вэньюнь прибыл во дворец на аудиенцию, после чего мудрый государь объявил всеобщую амнистию и одарил милостями всех подданных, — сказал Ван Чжэнь.

— Это связано с Су Вэньюнем? — спросил Тан Шэнь.

Ван Чжэнь пристально посмотрел на него:

— Я уже говорил тебе, младший брат: на свете всегда должен найтись тот, кто исполнит за государя то, что сам он сделать не может. Золотой дракон глубокой ночью сжимает клинок и бросает его вниз. Куда бы ни упало лезвие, повсюду проливается река крови. Золотой дракон лишь бросил клинок, а лезвие уже само рубит металл и режет нефрит — какое же отношение это имеет к самому дракону?

Душа Тан Шэня содрогнулась. Ван Цзыфэн в нескольких фразах распутал все узлы, мучившие его долгие годы.

В его груди словно вспыхнул пожар, готовый испепелить его дотла. Во рту пересохло, а дыхание стало неровным и тревожным.

— И так просто?! — воскликнул Тан Шэнь.

— Да, именно так просто, — подтвердил Ван Чжэнь.

Едва покров тайны был сорван, Тан Шэнь мгновенно ухватил суть дела и все понял:

— Лишь из-за какой-то упавшей звезды Император счел это дурным предзнаменованием и лишил жизни Чжун Тайшэна?!

Тан Шэнь не мог этого понять. Он не укладывал в голове, как в этом мире кто-то мог лишить человека жизни просто из-за пролетевшего метеора.

Однако Ван Чжэнь возразил вопросом на вопрос:

— Тебе следовало бы спросить, почему государь забрал жизнь Чжун Тайшэна лишь двадцать четыре года спустя!

Тан Шэнь лишился дара речи.

Ван Чжэнь тоже умолк.

Спустя долгое время Тан Шэнь пробормотал:

— Потому что... он мудрый правитель.

Чжун Тайшэн возглавлял Четырех великих ученых Поднебесной и пользовался колоссальным уважением. Император проявил милосердие и сохранил ему жизнь, снискав любовь всех ученых мужей государства.

— Теперь тебе известна правда о тех днях, и ты знаешь, что именно Лян Бовэнь с таким трудом искал полгода, — помолчав, спросил Ван Чжэнь. — Младший брат, о чем еще ты хочешь узнать?

Тан Шэнь ошеломленно смотрел на Ван Чжэня. В его душе бушевала отчаянная борьба; он порывался заговорить, но каждый раз, едва открыв рот, снова смыкал губы. Его метания и колебания не укрылись от взгляда Ван Чжэня. Тот сохранял внешнее спокойствие, но его пальцы, сжимавшие рукоять веера, давно побелели от напряжения.

Когда душевные терзания дошли до предела, Тан Шэнь внезапно вспомнил слова, сказанные Ван Чжэнем пару мгновений назад.

Почему Лян Бовэнь не обратился за помощью к старому другу?

Потому что он не хотел втягивать никого, кого только мог втянуть!

Чего же я на самом деле хочу узнать? Что я хочу сделать?

У меня есть то, что я хочу узнать.

И у меня есть то, что я обязан сделать!

— Старший брат, не принуждай меня больше, — произнес Тан Шэнь.

Ван Чжэнь мгновенно застыл.

Тан Шэнь серьезно посмотрел ему прямо в глаза и чеканя каждое слово повторил:

— Старший брат, не дави на меня больше.

Голос его звучал твердо и непреклонно, однако в глазах плескалась такая мольба и надежда, будто он почти в слезах молил о пощаде. Он казался столь хрупким, словно призрачный мыльный пузырь: стоило Ван Чжэню надавить чуть сильнее — и тот разобьется вдребезги.

Сердце Ван Чжэня готово было растаять.

В «Ши цзи» сказано: «Выгода ослепляет разум».

Ван Цзыфэну вдруг показалось, что сейчас его ослепила страсть!

Взгляд Ван Чжэня невольно соскользнул ниже и замер на губах Тан Шэня. Тан Шэнь не сразу заметил его взор, как вдруг Ван Чжэнь поднял руку и закрыл ему глаза. Внезапно лишившись зрения и погрузившись в абсолютную тьму, Тан Шэнь отчетливо услышал собственное дыхание, которое слилось воедино с дыханием Ван Чжэня.

Он не понимал, что делает Ван Чжэнь, но ощущал на себе обжигающий взгляд.

— Старший брат? — взволнованно позвал Тан Шэнь, не смея убрать руку Ван Чжэня.

Ван Чжэнь пристально смотрел на эти губы. Он даже слегка подался вперед, еще мгновение — и он поцеловал бы его. Но тут же замер, чуть изменил движение и прижал свои губы к собственной тыльной стороне ладони. В момент поцелуя тело Тан Шэня мгновенно одеревенело. Теплое дыхание сквозь щели между пальцами коснулось его век, и он услышал вкрадчивый голос Ван Чжэня, наполненный мягкой, чарующей улыбкой:

— Хорошо, не буду принуждать.

Тан Шэнь забыл, как дышать.

А затем тот тихо зачитал поэму «Чжэнь Вэй», и голос его зазвучал чисто и звонко, словно родник, бьющий о камни.

<http://bllate.org/book/18292/1757434>